

**Проекции политико-детерминированной
государственно-патриотической лояльности
субъектов российского гражданского общества
в этноконфессиональной самоорганизации**

Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Ибрагим Джавпарович Ибрагимов²

¹Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, Россия

^{1,2}Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,

¹maya.astv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9220-2504>

²ibragimid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0235-0285>

Аннотация

Введение. Проблематизация сущности и функционала гражданского общества является традиционной, современной и перспективной исследовательской нишей политического знания. Политический анализ показывает, что глобальная гражданская самоорганизация в высокой степени коррелирует с политическим пространством и политическим временем, формируя самобытные институты общественной активности. Функционирование гражданского общества в современной России проходит, в целом, по общепризнанным теоретико-методологическим и функционально-организационным алгоритмам. В то же время выделяются ряд собственно российских политико-значимых сущностных детерминант и функциональных практик гражданского самоопределения и самоуправления в РФ, которые актуализируются в геополитических условиях. Рельефно выделяются внутри-и внешнеполитические запросы, мотивирующие новое содержание позиционирования общественных объединений, а также и новую государственно-патриотическую лояльность как программную основу функционала общественных объединений, имеющих этноконфессиональную детерминацию. Определённую эволюцию демонстрирует политико-значимый активизм национально-культурных и религиозных организаций Северо-Кавказского федерального округа.

Цель. Осмысление и определение ресурсов и практических воплощений политико-детерминированной государственно-патриотической лояльности общественных организаций этноконфессионального содержания – субъектов национальной модели российского гражданского общества как патронажно-партнерской и рационально-позитивной.

Теоретические основы. Исследование осуществлено на институциональном подходе в рамках методологии политической науки для выявления сущностно-структурных и функционально-ролевых детерминант российского гражданского общества. Использованы неoinституционализм и концепт «политических возможностей» для конкретизации политического вектора общественных объединений. В выделении политической траектории гражданской самоорганизации применен политико-аксиологический, ценностный подход, который актуализируется параллельно с актуализацией ценностей в политике. Обоснованию структуры современного гражданского общества способствовали концепты сетевизации публичной политики и политического измерения гражданской (в данном случае, этноконфессиональной) самоорганизации. Для интерпретации этноконфессиональных основ самоорганизации в общественно-политическом процессе использованы теоретические исследовательско-идентитарные обобщения.

Результаты. Процесс гражданского ассоциирования имеет множество объективных детерминант и субъективных проекций, зависящих не только от политических систем и политических режимов с учетом внутри-и внешнеполитических факторов, но и от историко-культурного и даже мифологического нарратива в каждом конкретном государственно-страновом выражении. Субъекты гражданского общества, институтированные на базе этноконфессиональной идентичности усиливают свое позиционирование в общественно-политическом процессе, приобретая опосредованные свойства политической субъектности. Ее обусловленность и мотивация в отношении национально-культурных и религиозных организаций в расширительном смысле выражается в общественно-политическом активизме и в политико-детерминированной государственно-патриотической лояльности. Национально-культурные и религиозные общественные организации Северо-Кавказского федерального округа: а) применяют этнокультурный, этноконфессиональный потенциал в защите традиционных северокавказских ценностей и укреплении российской гражданской идентичности; б) расширяют практический опыт в формировании патриотического мышления современной российской молодежи в противовес радикальным, экстремистским, социальным девиациям; в) оберегают суверенитет российского культурного кода.

Выводы. В институтировании суверенного российского гражданского общества акцентируется гуманистическая, духовно-нравственная составляющая самоорганизации российских граждан на базе российской цивилизационной парадигмы как полиэтнической и поликонфессиональной. Основы государственно-патриотической лояльности национально-культурных и религиозных организаций как субъектов гражданского общества заложены в историко-культурной и общественно-политической традиции отношений государства и граждан. Политико-детерминированные составляющие и политико-проецируемые опыты национально-культурных и религиозных организаций обусловлены тенденциями российского национально-государственного строительства, а также потребностями современного российского общественно-политического пространства в условиях международных рисков, геополитических дисфункций. Во взаимодействии государства и гражданского общества расширяется номенклатура общественных инициатив государственно-патриотического содержания, реализуемая в рамках государственно-религиозных отношений и государственной национальной политики РФ.

Ключевые слова: политическая детерминация государственно-патриотической лояльности, гражданское общество, геополитизация межэтнических отношений, этноконфессиональная самоорганизация, региональные проекции гражданского активизма

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Ибрагимов И. Д. Проекция политико-детерминированной государственно-патриотической лояльности субъектов российского гражданского общества в этноконфессиональной самоорганизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 3. С. 106–118. EDN KCXFYR

Original article

The projections of the politically determined state-patriotic loyalty of the subjects of Russian civil society in the ethno-confessional self-organization

Maya A. Astvatsaturova¹, Ibragim D. Ibragimov²

¹N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^{1,2}Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹maya.astv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9220-2504>

²ibragimid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0235-0285>

Abstract

Introduction. The problematization of the essence and functionality of civil society is a traditional, modern, and promising research niche within political science. Political analysis shows that global civic self-organization is highly correlated with political space and political time, forming unique institutions of social activity. The functioning of civil society in modern Russia generally follows

generally recognized theoretical, methodological, and functional-organizational algorithms. At the same time, a number of specifically Russian politically significant essential determinants and functional practices of civil self-determination and self-government in the Russian Federation are identified, which are актуализируются in geopolitical conditions. Domestic and foreign policy demands are clearly evident; they motivate a new content for the positioning of public associations, as well as a new state-patriotic loyalty as the programmatic basis for the functions of public associations with ethno-confessional determinants. A certain evolution is demonstrated by politically significant activism of national-cultural and religious organizations in the North Caucasus Federal District (NCFD).

Purpose. The analysis and identification of the resources and practical manifestations of the politically determined, state-patriotic loyalty of public organizations with an ethno-confessional focus – the subjects of the national model of Russian civil society – as patronage-partnership and rational-positive.

Theoretical Basis. The research is based on an institutional approach within the framework of the methodology of political science to identify the essential-structural and functional-role determinants of Russian civil society. Neo-institutionalism and the concept of “political opportunities” are used to specify the political vector of public associations. In highlighting the political trajectory of civic self-organization, a political-axiological, value-based approach is applied, which is actualized in parallel with the actualization of values in politics. The structure of modern civil society was supported by the concepts of the networkization of public policy and the political dimension of civic (in this case, ethno-confessional) self-organization. Theoretical research-identitarian generalizations were used to interpret the ethno-confessional foundations of self-organization in the socio-political process.

Results. The process of civic association has many objective determinants and subjective projections, which are dependent not only on political systems and political regimes, taking into account domestic and foreign policy factors, but also on the historical-cultural and even mythological narrative in each specific state-country expression. The subjects of civil society, institutionalized on the basis of ethno-confessional identity, strengthen their positioning in the socio-political process, acquiring indirect properties of political subjectivity. Its conditionality and motivation in relation to national-cultural and religious organizations, in a broad sense, are expressed in socio-political activism and in politically determined state-patriotic loyalty. National-cultural and religious public organizations of the North Caucasus Federal District: a) use ethnocultural and ethno-confessional potential to protect traditional North Caucasian values and strengthen Russian civic identity; b) expand practical experience in shaping patriotic thinking among today’s Russian youth as a counterbalance to radical, extremist, and social deviations; c) protect the sovereignty of the Russian cultural code.

Conclusions. In the formation of a sovereign Russian civil society, the humanistic and spiritual-moral component of the self-organization of Russian citizens is emphasized, based on the Russian civilizational paradigm as a multi-ethnic and multi-confessional one. The foundations of the state-patriotic loyalty of national-cultural and religious organizations as subjects of civil society are rooted in the historical-cultural and socio-political tradition of the relationship between the state and citizens. The politically determined components and politically projected experiences of national-cultural and religious organizations are shaped by the trends in Russia’s nation-state building, as well as by the needs of the modern Russian socio-political space in the context of international risks and geopolitical dysfunctions. In the interaction between the state and civil society, the range of public initiatives with a state-patriotic focus is expanding; these initiatives are implemented within the framework of state-religious relations and the state national policy of the Russian Federation.

Keywords: ethno-confessional self-organization, politically determined state-patriotic loyalty, civil society, geopoliticization of interethnic relations, regional projections of civic activism

For citation: Astvatsaturova M.A., Ibragimov I.D. The projections of the politically determined state-patriotic loyalty of the subjects of Russian civil society in the ethno-confessional self-organization. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2026;(3):106–118. (In Russ.). EDN KCXFYR

Введение

Проблематизация сущности и функционала гражданского общества остаётся современной и перспективной исследовательской нишей политического знания. Как указывает В.Д. Бедерсон, глобальная гражданская самоорганизация в высокой степени коррелирует с политическим пространством и политическим временем, формируя самобытные институты общественной активности [1, с. 37-52]. Сам процесс гражданского ассоциирования, как подчеркивает С. Херлин, имеет множество объективных детерминант и субъективных проекций, зависящих от политических систем и политических режимов с учетом внутри-и внешнеполитических факторов [2, с. 220-239].

Функционирование гражданского общества в современной России проходит, в целом, по общепризнанным теоретико-методологическим и функционально-организационным алгоритмам. В то же время А. Ческин и Л. Марч выделяют ряд собственно российских детерминант гражданского самоопределения и самоуправления в РФ [3, с. 261-273]. Л. Гилберт, выводит на первый план такие проблемы российского гражданского общества, как зависимость от государства, а также недостаточность критической рефлексии в отношении власти [4, с. 1553-1578]. К. Оуэн, Э. Биндман выявляют специфику гражданского активизма в России в тесном соотношении с российской политической системой, которой присущ ограниченный «плюрализм разработки политики» [5, с. 98-120].

Дискуссии о наличии/отсутствии гражданского общества в РФ с участием, в частности, К.С. Гаджиева, В.А. Гуторова, остаются востребованными [6, с. 32-37; 7, с. 50-60]. В их процессе уточняются сущностные и практические воплощения негосударственной, неправительственной и некоммерческой самоорганизации российских граждан. Концепты, разработанные отечественными исследователями, привнесли в общетеоретический банк гражданского общества, уточняющие и вместе с тем креативные тезисы. Мы поддерживаем идею В.Г. Доманова, который под гражданским обществом подразумевал «... исторический тип социальности, где главным действующим лицом оказывается осознавший свои общественные и индивидуальные интересы человек...» [8, с. 237].

Отнесем данный тезис к ходу современной российской общественно-инициативной самоорганизации, обусловленный собственно российским алгоритмом отношения власти и общества. Во многом он выражен в патриотическом отношении граждан к государству при осознании большими социальными группами таких категорий, как Родина, государство, власть. Мы разделяем экспертные обобщения, в частности, П.С. Сорокина, Т.А. Поповой о включенности субъектов гражданского общества в упрочение российского суверенитета, гражданской консолидации на уровне мониторинговой, консультативной, практико-ориентированной деятельности [9, с. 457-468]. Тенденции позиционирования субъектов гражданского общества в публичной политике часто основаны на нематериальных ресурсах политики, которые выделяет И.В. Мирошниченко [10, с. 401-402], и которые выражаются в политической значимости гражданского активизма и в приобретении неправительственными негосударственными организациями свойств *политической субъектности*.

Целью настоящего исследования является выявление проекций политико-детерминированной государственно-патриотической лояльности, этноконфессиональных субъектов российского гражданского общества. Под последними мы понимаем общественные объединения, образованные на основе этнических и конфессиональных интересов в рамках *национальной российской модели гражданского общества как патронажно-партнерской и рационально-позитивной*.

Локальная научная гипотеза состоит в следующем соображении: в новых условиях внутренних социально-экономических проблем и глобальных внешнеполитических метарисков формируется *новая качественная и количественная политико-детерминированная*

государственно-патриотическая лояльность субъектов российского гражданского общества этноконфессиональной программатике.

Материалы и методы

Исследование осуществлено методом ординарного политического анализа с использованием мониторинга, включенного наблюдения, а также контент-анализа, предпосланного программатике и деятельностным практикам национально-культурных и религиозных общественных объединений как субъектам российской гражданского общества. Эмпирика исследования составлена нормативно-правовыми и политико-доктринальными документами РФ, документами, декларациями, обращениями общественных организаций федерального и субъектового уровня.

Результаты исследования

Принципы гражданской самоорганизации, самопомощи и общего гражданского активизма воплощаются в РФ в разнообразных организационно-правовых формах общественных объединений, как отмечает Н. Работяжев [11, с. 115-127]. Они создаются инициативными гражданами для решения местных проблем, а также и проблем, имеющих региональное, государственное, международное значение. Здесь стоит выделить: миротворчество и урегулирование конфликтов, достижение национальной и общечеловеческой безопасности, а также, что акцентируют Л.И. Никовская и В.Н. Якимец, гражданское участие в осуществлении публичной политики [12, с. 77-86].

Важным направлением деятельности гражданского общества является выстраивание взаимодействия с органами власти и управления, что обеспечивает открытость власти, возможность ее критики и приближения к гражданским интересам. Не теряет актуальности поиск ресурсов взаимного признания власти и граждан, а также продуктивного государственно-гражданского договора о взаимных правах и обязательствах. Не являясь собственно политическими субъектами, институты гражданского общества, тем не менее, принимают участие в достижении политико-смысловых коллективных целей. **Общественные активисты агрегируют политико-значимые интересы и осуществляют функции политического целеполагания.** Это: рационализация конфликтов и общественных противоречий; повышение уровня политической культуры и политической социализации; презентация политико-ориентированных устремлений.

Содержание и формы государственно-гражданского диалога зависят от множества, как внутри- так и внешнеполитических причин и факторов. Современные геополитические риски вторгаются в устоявшиеся схемы сотрудничества органов власти и общественных объединений. Среди них очевидными являются: терроризм и экстремизм, гибридные войны и конфликты, экономические кризисы и финансовые крахи, экологические катастрофы и мировые пандемии. Налицо глобальные сдвиги и конкуренция международных систем, распады прежних альянсов и договоренностей между странами, которые отмечает К.П. Боришполец [1, с. 150-165].

Учитывая современные проблемы государственно-гражданского диалога, предложим расширенную политико-детерминированную трактовку лояльности субъектов гражданского общества государству. Такая лояльность включает, в частности:

- а) осознанное позиционирование в ситуативных общественно-политических инцидентах;
- б) нацеленное участие в защите государственного суверенитета и национальной безопасности;
- в) осмысленное сохранение социальности как пространства рационального электорального выбора;
- г) произвольное и непроизвольное насыщение политики духовными ценностями, разделяемыми большинством населения.

Отметим, что традиционная государственно-патриотическая лояльность россиян строится на традиционных историко-культурных, символических и мифологических основах, которые структурируются в образ Родины. Этот образ наполнен собственно российскими идентификационными акцентами: свершения, привязанности, страхи, ориентиры, а также и образ славного прошлого. Искренность данных акцентов воплощена в групповых акциях российского гражданского общества, которое на базе духовно-нравственных ценностей поддерживает государство как страну и как Родину.

Однако сегодня лояльность гражданского общества государству нуждается в институционально-смысловом обновлении. Тревожность планетарного устройства, «антироссийскость» как геополитический проект побуждают российское гражданское общество к новой лояльности, которая как подчеркивает Ю.В. Латов, невозможна без доверия государству [13, с. 161–175], а также без доверия политической элите и управленцам, профессионализм и эффективность которых актуализируют А.В. Понеделков, А.М. Старостин, Т.В. Тованцова [14, с. 144–154].

Внутри данной проблемы мы выделяем проблему альтернативности режима доверия граждан институциональным форматам власти – централизованно-бюрократическим или конкурентно-демократическим, что проявляется в ходе каждых «больших выборов», в частности, избирательного пула сентября 2026 г. Доверие граждан государству имеет политическую детерминированность и прямые проекции в государственно-патриотическое сплочение россиян. В институциональном и во вне институциональном, объединении россияне проявляют экзистенциальную верность государству. Она воплощается в национальной российской модели гражданского общества, суверенность которого декларирована Президентом РФ¹. Его субъекты продуцируют новую государственно-патриотическую лояльность государству, свойствами которой мы считаем:

- патриотизм в его самопочинном коллективистском выражении, лишённый выгоды, утилитаризма, социального цинизма;
- оппозиционность западноевропейским принципам гражданского самоуправления как индивидуалистического и индипендентного;
- приверженность аксиологическому комплексу традиционных российских ценностей.

Выразим надежду, что потребность в политико-обусловленной государственно-патриотической лояльности российского гражданского общества и ее проекции вызваны не только рисками геополитической ситуации, но и внутренними потребностями россиян как гражданской нации. Также будем надеяться, что в государственно-патриотической лояльности общественной самоорганизации заложен политический ресурс усиления роли гражданина и гражданского общества как полноправного субъекта национальной российской модели, которую мы трактуем как **патронажно-партнерскую и рационально-позитивную, имеющую дифференцированные социально-идентификационные детерминанты и проекции.**

В этой модели рельефно выделяется этноконфессиональный сегмент, который обусловлен полиэтничностью и поликонфессиональностью российского общества, содержательно интерпретируемые М.М. Мchedловой и Е.Н. Кофановой [15, с. 7–21]. Эти свойства проявляются не только в культурной сфере, но и в сфере общественно-политической жизни через политику этнической и религиозной идентичности, через **смыкание этноконфессиональной субъектности и политической субъектности.** Сообщества России реализуют свои этнические и религиозные интересы через самоорганизацию в общем контексте государственной национальной политики РФ и политики государственно-религиозных отношений.

¹ Мисливская Г. Путин: Гражданское общество по определению суверенно // Российская газета. 2020. 20 октября.

Значимость гражданской самоорганизации на основе этнических и религиозных ориентиров фиксируется во многих политико-доктринальных документах, а также и в целевых федеральных законах РФ. Закономерно, что цели и задачи **«Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»** (ред. 2025 г.) равнозначно предусматривают сохранение этноконфессионального разнообразия российского общества и упрочение единства российской гражданской нации. Общественные организации этноконфессиональной программтики являются не только объектами, но и субъектами политического и самоуправленческого действия. Основой деятельности общественных организаций являются стержни российской культуры как полиэтничной и поликонфессиональной. Среди них выделяются гуманизм, добросердечность, коллективизм, взаимопомощь, сопричастность, актуализированные Президентом РФ В. Путиным с 2012 г. в статье **«Россия: национальный вопрос»** и в Указе от 09.11.2022 № 809 **«Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»**, которые представляет знаменательный пример историко-культурного и ценностно-морального нарратива политики.

Этноконфессиональная самоорганизация имеет свои ресурсы формирования государственно-патриотической лояльности россиян в ее привязке к этнокультурному и национально-гражданскому пространству России, как подчеркивает В.А. Тишков [16]. Современные геополитические реалии побудили к консолидации субъекты этноконфессиональной самоорганизации, имеющие общественное признание, а также и высокий общественный авторитет. Этнические и религиозные лидеры, а также и организации, входящие в Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, Общественную палату РФ, Ассамблею народов России, Общероссийское общественное движение «Сотворчество народов во имя жизни» (Сенежский форум), Общероссийское общественное движение «Российский конгресс народов Кавказа» и др., публично высказали свою поддержку действиям РФ по демилитаризации и денацификации Украины¹. Деятельность данных и многих иных этнических и религиозных ассоциаций свидетельствует об упрочении оптимальных отношений между «этничностью и властью», «властью и религией» в общем контексте государственно-гражданских отношений.

В подтверждении российского федеративного социального, политического и культурного дифферента, подчеркнём, что национальная российская модель гражданского общества имеет территориально-региональную привязку. В современной ситуации стоит выделить некоторые новые тренды этноконфессиональной самоорганизации сообществ Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), которые обусловлены политической и геополитической конъюнктурой². Северокавказский сегмент российского гражданского общества демонстрирует проникновение этноконфессионального комплекса в политику, на разных уровнях и с разными индексами интенсивности, что отмечает В.А. Авксентьев [17, с. 3–8]. Такое проникновение

¹ См.: Ассамблея народов России поддержала курс Президента России Владимира Путина. Заявление. 2022. 3 марта. ООО Ассамблея народов России. Главная. Национальная политика. URL: <http://xn--80aaadglf1chnmbxga3u.xn--p1ai/news/assambleya-narodov-rossii-podderzhala-kurs-prezidenta-rossii-vladimira-putina> (дата обращения: 1.08.2026); Конгресс народов Кавказа считает санкции возможностью для внутреннего развития страны ТАСС. 2022. 3 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13950653> (дата обращения: 7.08.2026); 29 марта в Государственной Думе по инициативе представителей мировых религий состоится круглый стол на тему: «Мировые религии против идеологии нацизма и фашизма в XXI веке». URL: <https://dsmr.ru/2857-mirovye-religii-protiv-ideologii-natsizma-i-fashizma-v-xxi-veke.html> (дата обращения: 30.07.2026).

² Заседание Совета по межнациональным отношениям. Владимир Путин в Пятигорске провел заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. 19 мая 2023 г. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. URL: <http://skfo.gov.ru/press/events/2266/> (дата обращения: 13.07.2026).

объективно заложено в общественной синергетике северокавказского региона, которая не только статична и консервативна, но также адаптивна и изменяема [18, с. 3060–3075].

Избегая идеализации общественных и политических проекций этноконфессиональной самоорганизации сообществ СКФО, считаем возможным отметить, что она стационарно воплощается в:

- формулировании общественных озабоченностей в отношении состояния историко-культурного наследия, сохранении пространства родных (национальных) языков и культуры, возможности отправления обрядов и традиций и установления мест и объектов для религиозных практик;
- отстаивании культурной, ментальной, культурно-антропологической самобытности как важнейшего основания социальной жизни, достижении широких витальных целей, решению общественно-значимых проблем;
- противостоянии альтернативным и враждебным культурным трендам, привносимым из оппонирующих культур и враждебных политических систем западноевропейской детерминации;
- осуществлении групповых требований и программных действий национально-культурного, национально-территориального и национально-государственного самоопределения и суверенитета;
- поиске обновленных и даже «модернизированных примордиалистских оснований» сохранения высокого уровня духовности, нравственности, а также и патриотизма не только в отношении соответствующих этнических и религиозных сообществ, но и в отношении России как всеобщей родины;
- обмене комплементами народных культур в пространстве общероссийской гражданской идентичности через взаимный межэтнический и межконфессиональный диалог, механизмы которого сложились в ходе этногенеза, национально-государственного строительства, политико-управленческого процесса.

Сегодня в вышеперечисленные ниши этноконфессиональной идентификационной самоорганизации в СКФО вторгается международная повестка, обуславливая геополитизацию межэтнических отношений. Геополитические вызовы выводят на первый план этноконфессиональной самоорганизации сообществ СКФО проблему лояльности общественных объединений государству, однако не в формально-лозунговом, а в объективно-осознанном формате. Лояльность национально-культурных и религиозных организаций северокавказских сообществ формируется не только на основе общечеловеческих ценностей, но и российских политических и внешнеполитических интенций. При этом очевидна консолидация национально-культурных и религиозных организаций СКФО на общегражданской патриотической российской платформе¹.

В аналитическом осмыслении роли национально-культурных и религиозных организаций в проявлении новой гражданско-патриотической лояльности очевидны их институционально-организационные различия:

- первые осуществляют это через сохранение родного языка, культуры, традиций, обрядности и этнокультурного комплекса;

¹ См.: Обращение Координационного центра мусульман Северного Кавказа и Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «Духовное служение и социальная миссия религиозных организаций в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности». Владикавказ, 15-17 марта 2022 г. Архив авторов; Ставропольские казаки-терцы заявили о поддержке президента России и жителей Донбасса // Победа. Все новости Ставропольского края. 2022. 27 марта. URL: <https://pobeda26.ru/news/obshhestvo/2022-03-01/stavropolskie-kazaki-tertsy-zayavili-o-podderzhke-prezidenta-rossii-i-zhiteley-donbassa-> (дата обращения: 2.08.2026); Глава армянской автономии Ставрополя выступил в поддержку спецоперации России на Украине. ГТРК Ставрополье. Вести Ставрополье. 2022 г. 2 марта. URL: <https://stavropolye.tv/news/163466> (дата обращения: 2.08.2026).

- вторые воплощают это через формирование духовно-религиозного мировоззрения и веры, через вероучительные практики, духовное окормление и духовное патронирование.

В этой связи политико-управленческая деятельность органов власти и самоуправленческая деятельность субъектов гражданского общества предусматривает системные усилия не только по стимулированию новой государственно-гражданской лояльности, но и по поиску ее доступных региональных интерпретаций, признаваемых и разделяемых региональными и местными сообществами СКФО.

Выводы

Конкретизация проекций политико-детерминированной государственно-патриотической лояльности в этноконфессиональной самоорганизации субъектов российского гражданского общества позволяет сделать несколько авторских обобщений.

Наращивание лояльности российского гражданского общества Российскому государству сегодня напрямую подчинено: во-первых, достоверности внутри-и внешнеполитического курса России; во-вторых, транспарентности политико-управленческих стратегий и тактик руководства РФ; в-третьих, аутентичности планетарного масштаба России как страны-цивилизации, государства-нации.

Причинно-следственными факторами, стимулирующими политические смыслы государственно-патриотической лояльности российских национально-культурных и религиозных объединений, являются внешние угрозы, санкционные меры США и «коллективного Запада» в отношении России.

Сближение этнических и конфессиональных идентификационных ориентиров самоорганизации граждан РФ проявляется не только в сохранении традиционных российских культурных ценностей, но и в общественно-политической активности и приобретении свойств политической субъектности в общем контуре общественно-политических отношений.

Приверженность национально-культурных и религиозных общественных объединений не только гуманитарно-гуманистическому, о и гражданско-политическому функциональному алгоритму придает государственно-патриотической лояльности субъектов гражданского общества волевою императивность.

Проекции политико-детерминированной государственно-патриотической лояльности национально-культурных и религиозных организаций имеют широкую номенклатуру в СКФО и выражаются в:

- существенном снижении остроты национальных вопросов, которые все более прочно вмонтированы в общегражданскую проблематику и все менее отягощены радикальными векторами суверенизации, национализма, экстремизма;

- значительной оптимизации этно-и религиозно ориентированных интересов и практик населения и смещении проблем межэтнических отношений в иерархии озабоченностей населения на последние места;

- явной гуманизации религиозных практик, которые усилены общечеловеческими смыслами и привлекательны для общества, в том числе, для его не воцерквленной, материалистической настроенной, атеистической и агностической частей;

- заметной оптимизации меж- и внутриконфессиональных отношений, как равно и отношений органов власти и управления и религиозных организаций, которые активны в социально-ответственном служении;

- выраженной консолидации религиозных и национально-культурных общественных объединений не только как объектов, но и как субъектов реализации государственной национальной политики и политики в сфере государственно-религиозных отношений;

- очевидной интенсификации религиозных и национально-культурных организаций в противодействии рискам терроризма и радикализма, экстремистской идеологии, которые сохраняются как вызовы национальной безопасности и суверенитету РФ.

Национально-культурные и религиозные общественные организации СКФО в рамках политико-детерминированной государственно-патриотической лояльности:

- выступают институтированными субъектами гражданского общества – партнерами государства, имеющими собственные возможности общественного влияния;
- применяют этнокультурный, этноконфессиональный потенциал в защите традиционных северокавказских ценностей и укреплении российской гражданской идентичности;
- расширяют практический опыт в формировании гуманистического конструктивного мышления современной российской молодежи в противовес радикальным, экстремистским, социальным девиациям, «духовному стимпанку»;
- участвуют в обновлении технологий взаимодействия с органами государственной власти и управления в адресном духовно-ориентированном просвещении различных групп населения.

Исследование социально-ориентированных и политико-значимых проектов национально-культурных и религиозных организаций СКФО позволяет выделить не только позитивные практики, но и проблемы и кризисные кейсы. Во-первых, они, являются производными от общероссийских проблем гражданской самоорганизации, которые общеизвестны. Во-вторых, они продуцируются самим северокавказским историко-культурным, мифологическим, общественно-политическим, а также и ценностно-этническим конгломератом, важнейшим свойством которого является этническая и религиозная дифференциация и очевидная живучесть этничности и конфессиональности как важнейших ресурсов, маркеров и даже технологий организации жизни.

Среди явных проблем считаем возможным выделить следующие: сохранение рисков внедрения в этнические и религиозные сообщества религиозного исламского радикализма; включенность этнических и религиозных лидеров во внутрироссийские и международные эксцессы и в конфликты; внедрение в программные документы и проекты национально-культурных и религиозных зарубежных императивов; противоречия между этническими лидерами, религиозными пастырями на базе политических, идейно-мировоззренческих, организационных, ценностных и этических разногласий; нарушения национально-культурными и религиозными организациями законодательства РФ, в том числе, попытки подмены светского российского права религиозными догмами. Также проблемными остаются уровень общей правовой грамотности, общественно-политической компетентности, социального кругозора руководителей национально-культурных и религиозных организаций. Очевидна устарелость просветительских, информационных методов работы с молодежью, прежде всего, с сельской на местном уровне и др.

С учетом выявленных проблем представляются целесообразными:

- разработка федерального доктринального документа долгосрочного стратегического назначения о политике РФ в сфере государственно-религиозных отношений;
- профилактирование попыток замены российского законодательства религиозными нормами;
- предотвращение осуществления национально-культурными и религиозными исламскими организациями несвойственных им политических функций;
- формирование в профильных органах власти и МСУ целевых структур или выделение специалистов в сфере государственной национальной политики и государственно-религиозных отношений;
- расширение участия этнических и религиозных лидеров, активистов, молодежи в российских государственных и гражданских мероприятиях;
- расширение участия этнических и религиозных активистов в обсуждении проектов законов и доктринальных документов РФ в сфере государственно-религиозных отношений;
- обновление информационной работы с этническими и религиозными активистами по разъяснению внутренней и внешней политики РФ;

- расширение договорных отношений национально-культурных и религиозных организаций с органами власти и управления в осуществлении социально-ориентированных проектов для целевых групп населения;
- укрепление сотрудничества национально-культурных и религиозных организаций с образовательными, культурно-просветительскими организациями в сохранении этноконфессиональной самобытности;
- обновление (омоложение) состава региональных общественно-консультативных этнических и религиозных советов, региональных отделений Ассамблеи народов РФ;
- координация деятельности домов дружбы, центров национальных культур, этнокультурных заповедников и соотнесение их практик с общероссийскими политическими доктринами, концепциями, проектами, программами.

В качестве резюме отметим, что проблема политико-детерминированной государственно-патриотической лояльности субъектов российского гражданского общества в этноконфессиональной самоорганизации в силу ее значимости с учётом современных политических изменений, геополитических вызовов и рисков нуждается в дальнейшем изучении.

Список источников

1. Бедерсон В. Д. Гражданские ассоциации и политический режим в мировой недемократической практике: между политическим контролем и социальной эффективностью // Полис. Политические исследования. 2020 № 2. С. 37–52. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.04>. EDN: FBUIQU.
2. Heurlin C. Governing Civil Society: The Political Logic of NGO-State Relations under Dictatorship // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2010. Vol. 21. № 2. P. 220–239. <https://doi.org/10.1007/s11266-009-9103-2>. EDN: WQGYTA.
3. Cheskin A., March L. State-Society Relations in Contemporary Russia: New Forms of Political and Social Contention // East European Politics. 2015. Vol. 31. No 3. P. 261–273. <https://doi.org/10.1080/21599165.2015.1063487>. EDN: UQNTZV.
4. Gilbert L. Crowding Out Civil Society: State Management of Social Organizations in Putin's Russia? // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68. No. 9. P. 1553–1578. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1250250>. EDN: YWFVCP.
5. Owen C., Bindman E. Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia // Government and Opposition. 2019. Vol. 54. № 1. P. 98–120. <https://doi.org/10.1017/gov.2017.13>. EDN: WWINDT.
6. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 32–37. EDN: SAQVOZ.
7. Гуторов В. А. Гражданское общество и теория демократии: из наследия XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 1. С. 50–60. EDN: TIWDAN.
8. Доманов В.Г. Концепт гражданского общества: российские реалии. Монография. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. 256 с. ISBN 978-5-89546-472-4.
9. Сорокин П. С., Попова Т. А. Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 457–468. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468>. EDN: YVLBHA.
10. Мирошниченко И. В. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: результаты эмпирического исследования // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием. Москва. МГИМО МИД России, Финуниверситет, 5–7 декабря 2024 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мchedловой, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс. 2024. С. 401–403.
11. Работяжев Н. Гражданское общество: логика, пути, факторы становления // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 1. С. 115–127. EDN: LKQCOL.

12. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Оценка действенности институтов публичной политики в России // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 77–86. EDN: RBRLCV.
13. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>. EDN: SYMSKW.
14. Старостин А. М., Понеделков А. В., Тованчова Е. Н. Цивилизационная репрезентация элитаобразующего процесса в доктринальном аспекте и в политической практике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 1. С. 144–154. EDN: FNSZJW.
15. Мchedlova M. M., Kofanova E. N. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21>. EDN: GCZVIC.
16. Тишков В. А. Становление российской нации: история идеи и практики. М.: Изд-во Sapienti Sat, 2026. 332 с. ISBN: 978-5-4499-5923-2.
17. Авксентьев В. А. Политизация / деполитизация этничности на Северном Кавказе: тенденции начала третьего десятилетия XXI века // Политическое пространство и социальное время: власть символов и память поколений / Сборник научных трудов XXXVIII Международного Харакского форума. Симферополь: ИТ "АРИАЛ", 2022. С. 3–8.
18. Аствацатурова М. А. "Северокавказское имажинарное" в социальной сущностно-функциональной этике политического управления // Вопросы политологии. 2020. № 11 (63). С. 3060–3075. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.11.001>. EDN: FHKTNE.

References

1. Bederson VD. Civil associations and the political regime in the global undemocratic practice: between political control and social efficiency. *Polis. Political research*. 2020;(2):37–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.04>. EDN: FBUIQU.
2. Heurlin C. Governing Civil Society: The Political Logic of NGO-State Relations under Dictatorship. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2010;21(2):220–239. <https://doi.org/10.1007/s11266-009-9103-2>. EDN: WQGYTA.
3. Cheskin A., March L. State-Society Relations in Contemporary Russia: New Forms of Political and Social Contention. *East European Politics*. 2015;31(3):261–273. <https://doi.org/10.1080/21599165.2015.1063487>. EDN: UQNTZV.
4. Gilbert L. Crowding Out Civil Society: State Management of Social Organizations in Putin's Russia? *Europe-Asia Studies*. 2016;68(9):1553–1578. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1250250>. EDN: YWVFCP.
5. Owen C., Bindman E. Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia. *Government and Opposition*. 2019;54(1):98–120. <https://doi.org/10.1017/gov.2017.13>. EDN: WWINDT.
6. Gadzhiev KS. The concept of civil society: ideological origins and main milestones of formation. *Questions of philosophy*. 1991;(7):32–37. (In Russ.). EDN: SAQVOZ.
7. Gutorov VA. Civil society and the theory of democracy: from the legacy of the twentieth century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2015;(1):50–60. (In Russ.). EDN: TIWDAH.
8. Domanov VG. *The concept of civil society: Russian realities*. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House; 2009. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89546-472-4.
9. Sorokin PS., Popova TA. Classical and modern approaches to the study of solidarity: problems and prospects in conditions of destruction. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2021;21(3):457–468. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468>. EDN: YVLBHA.
10. Miroshnichenko IV. Intangible resources in rural development policy: results of an empirical study. In: *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Development paradigms: Proceedings of the X All-Russian Congress of the Russian Academy of Medical Sciences with International Participation*. Moscow: MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Financial University, December 5–7, 2024 / Edited by O.V. Gaman-Golutvina, M.M. Mchedlova, L.N. Timofeeva. Moscow: Aspect Press; 2024. P. 401–403. (In Russ.).
11. Rabodyazhev N. Civil society: logic, ways, factors of formation. *World Economy and International Relations*. 2010;(1):115–127. (In Russ.). EDN: LKQCOL.

12. Nikovskaya LI., Yakimets VN. Evaluation of the effectiveness of public policy institutions in Russia. *Polis. Political research*. 2013;(5):77–86. (In Russ.). EDN: RBRLCV.
13. Latov YuV. Institutional trust as social capital in modern Russia (based on monitoring results). *Polis. Political research*. 2021;(5):161–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>. EDN: SYMSKW.
14. Starostin AM, Ponedelkov AV, Tovanchova EN. Civilizational representation of the elite-formation process in the doctrinal dimension and political practice. *State and municipal management. Scholar notes*. 2026;(1):144–154. (In Russ.) EDN: FNSZJW.
15. Mchedlova MM., Kofanova EN. Russia in anticipation of changes: religious factor and socio-political preferences. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2020;22(1):7–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21>. EDN: GCZVIC.
16. Tishkov VA. *The formation of the Russian nation: the history of ideas and practice*. Moscow: Publishing House Sapienti Sat, 2026. 332 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-4499-5923-2.
17. Avksentiev VA. Politicization / depoliticization of ethnicity in the North Caucasus: trends of the beginning of the third decade of the XXI century. In: *Political space and social time: the power of symbols and the memory of generations* / Collection of scientific papers of the XVIII International Harak Forum. Simferopol: IT "ARIAL"; 2022. P. 3–8. (In Russ.).
18. Astvatsaturova MA. "North Caucasian imaginal" in the social essential-functional ethics of political management. *Questions of political science*. 2020;11(63):3060–3075. (In Russ.). <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.11.001>. EDN: FHKTHE.

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Распределённого научного центра межнациональных и религиозных проблем, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая; директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований, Пятигорский государственный университет.

И. Д. Ибрагимов – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по формированию духовно-идеологических стратегических ориентиров и кадрового потенциала, государственно-конфессиональному и межкультурному взаимодействию, Пятигорский государственный университет.

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Leading Researcher at the Distributed Scientific Center for Interethnic and Religious Problems, Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Studies, Pyatigorsk State University.

I. D. Ibragimov – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Vice-rector for the Formation of spiritual and ideological strategic guidelines and Human resources, State-confessional and Intercultural Interaction, Pyatigorsk State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 03.08.2026; одобрена после рецензирования 10.09.2026; принята к публикации 11.09.2026.
The article was submitted 03.08.2026; approved after reviewing 10.09.2026; accepted for publication 11.09.2026.